Вадим Вацуро
о Лермонтове

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Пьеса А. Червинского «Из пламя и света» — крайне интересное произведение. Тематическое его содержание — история последней дуэли Лермонтова; во внутреннем монологе дается ретроспектива — воспоминания поэта об узловых эпизодах его духовной биографии.

- Отзыв на пьесу А. Червинского «Из пламя и света»
  -
  -

Отзыв на пьесу А. Червинского «Из пламя и света»

Пьеса А. Червинского «Из пламя и света» — крайне интересное произведение. Тематическое его содержание — история последней дуэли Лермонтова; во внутреннем монологе дается ретроспектива — воспоминания поэта об узловых эпизодах его духовной биографии.

Автору хорошо известны исторические источники; он знаком не только с мемуарной, но и с биографической литературой о Лермонтове. Вместе с тем искать в его пьесе фактографической точности было бы большой ошибкой, ибо биографические факты здесь составляют только внешнюю канву. Так, история с Марфушей — эпизод из «Сашки», интерполированный в лермонтовскую биографию. Такого рода отклонения — право автора художественного произведения, и историческая апробация должна заключаться в анализе психологической достоверности характеров и ситуаций.

Именно разработка характеров и является, с моей точки зрения, сильной стороной пьесы. Прежде всего, автор предложил не тривиальное и во многом убедительное решение характера самого Лермонтова. Не только в художественной, но и в научной биографической литературе понимание личности поэта колеблется от констатации его «дурного характера» (старая точка зрения) до утверждения его идеальных стремлений в борьбе с дурным обществом («новая» точка зрения, столь же односторонняя, как и прежняя). «Сложность» характера Лермонтова постоянно декларируется, но очень редко воплощается.

В пьесе А. Червинского мы имеем дело не просто с попыткой создать объемный образ Лермонтова, но и рассмотреть его характер как характер поколения. Именно на такое решение проблемы наталкивает нас лермонтовское творчество. И его эпатирующее поведение, и горечь, и скепсис, и ирония, часто деструктивная, — все это типичные черты поколения периода безвременья, описанного Лермонтовым в «Думе» и в «Герое нашего времени». Иногда встречающаяся попытка доказать, что в «Думе» Лермонтов отделил себя от своего поколения, как бы поднявшись над ним и осознав его пороки, — дурная услуга поэту, который таким образом превращается в «обличителя» типа Розенгейма, осмеянного Добролюбовым. Рефлексия Лермонтова в «Думе» распространяется и на самого себя — ив этом особая

ценность этого стихотворения как психологического и социально-литературного документа. Именно так и предстает Лермонтов в пьесе А. Червинского; рефлексивное начало в нем выявлено внутренними монологами и постоянным критическим пересмотром своего прошлого и настоящего. При этом ретроспективные сцены несут в себе нередко и некие глубинные смыслы: так, спор Лермонтова с Лихаревым решается не только в интеллектуальном столкновении, но и самым фактом гибели Лихарева на глазах у Лермонтова. Так, между прочим, построена концепция «Героя нашего времени», которая явилась для автора своего рода принципиальной моделью.

Все эти художественные установки сказываются и на решении фигуры Мартынова. Концепция Мартынова чрезвычайно любопытна. Конечно, пара Печорин — Грушницкий дала некую канву конфликту в пьесе, в которой Грушницкий убивает Печорина. Однако в характере Мартынова подчеркнуты социально-психологические черты. Столкновение его с Лермонтовым, по замыслу автора пьесы, — не только личная ссора, но и непримиримый антагонизм. Мартынов воплощает в себе все то, что неприемлемо для Лермонтова в современном обществе, но облекает его негативные стороны в формы внешней оппозиционности, либерализма, элитарности. Мартынов показан как пародия Лермонтова, притом что он обладает и привлекательными индивидуальными особенностями. Некоторые его монологи несколько прямолинейны (см. замечания на полях); в целом же этот характерологический замысел убедителен не только художественно, но и исторически (Мартынов не был принципиальным врагом Лермонтова, конечно же, не был орудием заговора против поэта и всю жизнь раскаивался в совершенном убийстве). Психологически точно обрисованы и Монго-Столыпин, и Васильчиков, — и здесь также вряд ли можно упрекнуть автора в отходе от исторической достоверности. Следовало бы пересмотреть сцену в III Отделении (Лермонтов и «старый генерал»): разговор в таком тоне с дворянином и офицером чрезвычайно сомнителен.

Замечания к тексту, таким образом, единичны и касаются частностей. В целом, как уже сказано, пьеса — очень своеобразное, глубокое, художественно полноценное и достоверное исторически явление театральной лермонтовианы. Она вполне заслуживает сценического воплощения.

Кандидат филологических наук

[В. Э. Вацуро]

Отзыв написан по запросу Управления театров Министерства культуры РСФСР от 12 мая 1985 года за подписью главного редактора Репертуарно-редакционной коллегии Управления театров А. Е. Порватова.